

каракачан. Однако фактически дело было не столько в этом, сколько в социально-экономическом развитии самих балканских кочевников.

Под воздействием экономических условий каракачан были вынуждены продавать своих овец и переходить на оседлость. Это обстоятельство объективно открывало путь для вложения своего труда в землю. Земледельческое хозяйство, в отличие от скотоводства, открывало перед каракачанами широкие перспективы для усовершенствования средств труда и развития его производительности. После перехода на оседлость у каракачан шире стало развиваться ремесленное производство. Трудовая деятельность становилась более разнообразной и богатой по своему содержанию.

Вместе с тем переход на оседлость способствовал сближению каракачан с другими народностями Балканского полуострова, а в некоторых случаях вел к ассимиляции первых: известны случаи полной ассимиляции небольших кочевых групп или отдельных семейств каракачан¹⁴⁹. М. Филиппович непосредственно связывал ассимиляцию каракачан с переходом на оседлость¹⁵⁰. По его словам, каракачан иногда оказывались более тесно связанными экономическими отношениями с балканскими народами, чем между собой¹⁵¹. Более подробно это явление было освещено в работе американского социолога И. Т. Сандерса¹⁵².

Ассимиляция каракачан в Болгарии в условиях социализма нашла отражение в работах В. Маринова¹⁵³. О благоприятных изменениях в быту и в хозяйстве каракачан Сербии писал Л. Жунич¹⁵⁴. После установления народно-демократической власти в Болгарии и Югославии каракачан были уравнены в правах со всеми остальными национальностями на базе социалистических производственных отношений. В настоящее время каракачан работают в государственных и кооперативных земледельческих хозяйствах. Они овладели новыми профессиями и стали широко использовать сельскохозяйственные машины. Дети недавних кочевников, ныне оседлых каракачан, сегодня бесплатно обучаются в средних школах, поступают и заканчивают высшие учебные заведения и становятся активными строителями нового социалистического общества.

М. Губогло

¹⁴⁹ М. Б. Милићевић, Указ. раб., стр. 249; М. С. Филипповић, Указ. раб., стр. 145.

¹⁵⁰ М. С. Филипповић, Указ. раб., стр. 145.

¹⁵¹ Там же.

¹⁵² См. Л. Жунич, Указ. раб., стр. 105.

¹⁵³ V. Marinow, Die Schafzucht der nomadisierenden Karakatschanen in Bulgarien, стр. 147—196; его же, Каракачаните в България, стр. 24.

¹⁵⁴ Л. Жунич, Указ. раб.

НАРОДЫ СССР

Р. Ф. Тароева. *Материальная культура карел (Карельская АССР). Этнографический очерк*. М.—Л., 1965 г. 223 стр. Приложение (I—XVIII таблиц иллюстраций).

Рецензируемая книга — третья за последние два года, посвященная этнографическому изучению населения Карельской АССР¹. Эта книга — первая сводная работа по материальной культуре карел — является существенным вкладом в довольно скудную этнографическую литературу по этому вопросу.

Книга написана в основном на полевых материалах, собранных автором в экспедициях за последние десять лет (1955—1965 гг.). Кроме того, привлечен довольно широкий круг других источников: архивные данные, музейные коллекции, а также этнографическая, историческая, фольклорная литература и др.

Освещен в основном дореволюционный период — с середины XIX до начала XX в. (хотя автор делает экскурсы и в более отдаленное время), а последняя глава посвящена современности.

Книга состоит из введения и шести глав: 1 — Хозяйство и занятия. Орудия труда; 2 — Способы и средства передвижения; 3 — Поселения и постройки; 4 — Пища и утварь; 5 — Одежда; 6 — Новые черты в материальной культуре карел в советскую эпоху. В конце даны заключение, указатель карельских терминов и 18 таблиц иллюстраций.

¹ «Верхний Олонец — поселок лесорубов. Опыт этнографического описания», М.—Л., 1964 и В. В. Пименов, Вепсы. Очерк этнической истории и генезиса культуры, М.—Л., 1965.

Во введении автор так определяет свою задачу: на основании систематического описания важнейших сторон традиционной материальной культуры карел уяснить, какое место занимают карелы и их культура среди других народов нашего Севера. В связи с этим задача выявления историко-культурных связей карел с другими народами по данным материальной культуры является центральной. Весьма существенно также, как считает автор, выявить локальные особенности материальной культуры карел, что проливает свет на некоторые вопросы их этногенеза (стр. 14—15). Материальная культура рассматривается с учетом природных и исторических условий.

Глава «Хозяйство и занятия. Орудия труда» дает представление о хозяйственной и экономической жизни карельской деревни XIX—начала XX в. В книге приведено немало обычаев, верований карел, связанных с материальной культурой. Положительным является и приводимая в работе местная карельская терминология, необходимая для этнографического исследования.

Глава «Поселения и постройки» — самая большая. Естественно, что таким важным элементам материальной культуры отведено центральное место. Классификация карельского жилища при его сложности и многообразии представляет значительные трудности. Тем не менее, учитывая имеющуюся литературу по этому вопросу и полевые исследования автора, мы вправе ждать от него разработки более четкой типологии жилища (на основании комплекса различных признаков). Автор в основном ограничился эволюцией жилого дома. Следовало бы подчеркнуть древность планировки карельской избы с расположением печи, устьем повернутой к боковой стене: она отмечается в наиболее старых — курных избах². Эта черта сближает жилище карел с жилищем ленинградских финнов³, а также с древненовгородским. Типы связи дома с двором недостаточно ясны читателю без приложения хотя бы схематических чертежей. Вполне соглашаясь с автором, что камелек «пизи» является пережитком открытого очага в жилище карел, мы должны возразить против следующей формулировки: «В Южной Карелии о камельке не имеют представления» (стр. 103). «Жараток», распространенный здесь и у соседей — русских, с незначительными изменениями представляет собою тот же камелек, использовавшийся в прошлом и для освещения, и как открытый очаг. «Пизи» и «жараток» — варианты одного и того же явления. Отличие заключается лишь в том, что «пизи» отделен от шестка стенкой, а «жараток» располагается тут же на шестке. Сочетание открытого очага с русской печью весьма специфично для всей Карелии и вошло в русское крестьянское жилище Севера⁴. Не ясно, без ссылки на иллюстрации, что представляет собой декоративный балкончик, который «...обычно выполняется в стиле рококо с 2—4 витыми колонками» (стр. 94). Следует уточнить вопрос о распространении прямых дымовых труб (стр. 102): они были преимущественно в Северной Карелии, а в Средней и Южной Карелии печи имели развитые дымоходы. Недостаточно ясен принцип выделения типов хлебосушилен (стр. 116) по наличию или отсутствию гумна или по устройству самой хлебосушильни. Рисунок (табл. — X) не вносит ясности в этот вопрос: имелся ли так называемый «под», т. е. пол, который делил помещение как бы на две «камеры», или же это два ряда колосников?

В главе «Пища и утварь» автор подверг критике утверждение А. М. Линевского, что употребление грибов карелам почти не известно⁵. Однако оно заслуживает детального разбора и дальнейшего исследования. Карелы в прошлом считали съедобными далеко не все те сорта грибов, которые широко употреблялись, например, в Центральной полосе России. По нашим экспедиционным материалам 1941 г. карелы Олонецкого района строго различают два сорта грибов: 1) «сиянет» — «волнушки», куда входят грузди, рыжики и некоторые другие; в соленом виде это любимое кушанье карел и 2) «грибат» — не пользующиеся любовью. То же имеет место и у русских Архангельской области (б. Каргопольского уезда Олонецкой губернии): «волнушки» — съедобные и любимые грибы, а например, подберезовики и подосиновники население не собирало. Эти особенности в пище русских Севера мы склонны рассматривать как воспринятые от местного, может быть «чуждого» населения, вошедшего в состав карел и русских.

В главе «Одежда» весьма примечательно упоминание об использовании карелами конопли для одежды, что характерно и для других угро-финских народов. Использование конопли в старину не ограничивалось Южной Карелией (стр. 145), поскольку в рукописи З. Громова «Этнографическое описание Ребольского прихода»⁶ упомина-

² Р. М. Габее, Карельское деревянное зодчество, М., 1941, стр. 50.

³ Р. М. Габее, Материалы по народному зодчеству западных финнов Ленинградского округа, «Труды комиссии по изучению племенного состава населения СССР и сопредельных стран», № 16, «Западно-финский сборник», Л., 1930, табл. VIII, рис. 1, табл. IX, рис. 1; табл. X, рис. 1.

⁴ Полевые материалы Северо-великорусской экспедиции Ин-та этнографии АН СССР, 1948—1949 гг.

⁵ А. М. Линевский, Карелы, «Сов. этнография», 1941, т. 5, стр. 98.

⁶ Архив Русского географического общества, Олонецкая губерния, XXV, 62.

ется об одежде из конопли. К сожалению, автор не привлек эту ценную иллюстрированную рукопись середины XIX в., как и некоторые другие рукописи архива Географического общества⁷. Реконструкция древнего комплекса женской карельской одежды, сделанная автором, вполне правдоподобна: туникообразный покрой рубахи⁸ и более короткой нагрудной одежды, а также нешитая поясная одежда типа «hurstut» — древние составные части этого комплекса. Однако мы возражаем против объединения разной одежды (генетически и хронологически различной) под единым термином «юбочный комплекс» (сам термин, кстати, крайне неудачен). «Hurstut» карелок, о которой писал У. Сирелиус и И. Маннинен, древняя одежда, и она могла предшествовать сарафану⁹. Что касается полосатых юбок у карел, имеющих, как считает автор, аналогии в западнофинском костюме (стр. 159), то они широко бытовали и в крестьянском костюме Скандинавии вплоть до XVIII в. и исследователи связывают их с западноевропейской модой XV—XVI вв.¹⁰ Если подобные юбки в качестве основной одежды, одеваемой сверху рубахи, и бытовали у какой-то части карел, то хронологически они не предшествовали сарафану, а, вероятнее всего, бытовали одновременно с ним, вытеснив древний «hurstut». Кроме того, юбки карел сопоставляются и с городским костюмом конца XIX — начала XX в. Несомненно, такого происхождения юбка с оборкой на табл. XV — рис. 2. Пестрядинные юбки носили обычно с рубахой на кокетке (также распространившиеся под городским влиянием) и преимущественно как нижние под сарафаном или ситцевой юбкой¹¹. Такая «мода» бытовала в России в конце XIX — начале XX в. в соседних и отдаленных от Карелии районах.

К древнему комплексу костюма следовало добавить обувь, плетеную из коры прямым плетением, что весьма существенно, поскольку этот же тип обуви характерен для финнов, прибалтов (а также белорусов). Этот тип показан на рис. 22 (стр. 153), но в тексте упомянута только обувь косого плетения, характерная и для русских, как и термин «вирзу», который исследователи считают очень древним¹².

Непонятно, почему автор подверг сомнению весьма добросовестную, основанную на полевых исследованиях статью ныне покойной Н. Ф. Прытковой¹³ (стр. 158). Ижорский «imppikko» — передник, аналогии которому имеются в костюме южновеликорусских областей, а по последним данным и в северных (б. Белозерский, Устюженский уезды Новгородской губ.). Термин «кукель» или «куколь», как и самый вид головного убора, еще недостаточно изучены. В противоположность мнению автора (стр. 151), накомарники широко применялись у русских Севера¹⁴. Женские головные уборы, украшения лишь упоминаются. Возможно, однако, что небольшой размер книги не позволил автору подробнее изложить ряд вопросов.

Наличие в книге главы «Новые черты в материальной культуре карел в советскую эпоху» весьма положительно: в ней автор, хотя и в сжатом очерке, рассмотрел те изменения в материальной культуре карел, которые происходили у них в разные периоды развития советского общества. Автор подчеркнул, что советская эпоха является качественно новым этапом в развитии материальной культуры и отметил ценность некоторых народных традиций, которые находят применение в современности.

В заключении Р. Ф. Тароева выделяет три важных этапа в культуре и этнической истории карел. Этнографические материалы, по ее мнению, полностью подтверждают концепцию Д. В. Бубриха об участии в этногенезе карел трех основных этнических компонентов. Исследования Д. В. Бубриха об этногенезе карельского народа очень ценны. Задача этнографов детально проследить, в какой мере данные языка согла-

⁷ См. Д. К. Зеленин, Описание рукописей Ученого архива Императорского Русского географического общества, вып. 1, Пг., 1914, стр. 914.

⁸ Такой покрой женской рубахи, правда, несколько модернизированный, был зафиксирован нами в Пряжинском районе Карельской АССР в 1941 г.

⁹ Дольше всего «hurstut» носили в Южной Карелии в Pyhäjärvi, Räisälä, Ruokolahti. Она состояла из двух или трех кусков нешитой ткани. И. Маннинен сближает ее с восточнославянской поясной одеждой (J. Manninen, Die Kleidung. Kansatieteellinen arkisto, Hrsg. von Suomen muinaismuistoyhdistys, 13, Helsinki, 1957, стр. 121—122).

¹⁰ Б. А. Куфтин, Материальная культура русской Мещеры, М., 1926, стр. 116.

¹¹ То же ошибочное положение имеется у В. В. Пименова в кн. «Вепсы» (М.—Л., 1965): городскую одежду с юбкой (так называемый «юбочный» комплекс) конца XIX — начала XX в. автор объявляет «основной» и «исконной» у вепсов. См. В. В. Пименов, Указ. раб., стр. 108.

¹² И. С. Вахрос. Наименование обуви в русском языке, Хельсинки, 1959, стр. 81.

¹³ Н. Ф. Прыткова, Одежда ижор и води, «Западно-финский сборник», М., 1930, стр. 306—340.

¹⁴ Г. Куликовский, Словарь областного олонецкого наречия, СПб., 1898; А. Подвысоцкий, Словарь областного архангельского наречия, СПб., 1889, стр. 77.

суются или расходятся с этнографическими данными. Выводы Р. Ф. Тароевой о полном совпадении диалектических областей с делением по этнографическим признакам можно считать лишь предварительным. Наиболее четко выделяются северо-западная часть Карелии и ее южные районы. Без проведения картографирования, выявления распространенности различных элементов материальной (и духовной) культуры (которое необходимо проводить в определенных хронологических рамках, на основании выработанной четкой классификации) вряд ли сейчас можно сделать окончательные выводы. Мы не ставим в упрек автору отсутствие карт (эта работа по силам коллективу), но в дальнейшем необходимо провести картографирование: оно поможет обобщить материал и уточнить границы историко-культурных областей.

Наши критические замечания касаются частностей, главным образом уточнения фактического материала и его систематизации. В целом же работа Р. Ф. Тароевой заслуживает весьма положительной оценки. Выход в свет книги о материальной культуре карел, несомненно, вызовет интерес у широкого круга читателей. Приходится сожалеть, что она издана таким маленьким тиражом — 1200 экземпляров.

Г. Маслова, А. Санникова

* * *

Исследование Р. Ф. Тароевой выполнено главным образом на основе этнографического материала. Он собран автором, владеющим тремя диалектами карельского языка, во всех районах Карелии. Широкий подход к освещению проблемы позволил автору доказать свой центральный тезис о наличии в материальной культуре карел значительных самобытных устойчивых традиций наряду с заметными заимствованиями и влияниями со стороны культуры русского, вепсского, финского, саамского и других соседних народов. Преимущественно в книге рассмотрена и доказана на фактическом материале первая половина тезиса.

Автор в какой-то степени наметил главные ориентиры в уяснении места, занимаемого культурой карел среди других народов, проживающих на нашем Севере. Для этого Р. Ф. Тароева по ходу изложения книги сравнивает формы различных элементов материальной культуры карел с аналогичными элементами окружающих их северных народов и особенно — русского народа.

Обширный и тщательно обобщенный материал первой главы убедительно доказывает тезис о комплексном развитии хозяйства карел, наметившемся начиная с давних исторических времен. Большое место в жизни карел издавна занимало земледелие. И не случайно глава о хозяйстве начинается с характеристики систем земледелия, землепользования, сельскохозяйственных орудий и т. д. Автор показывает, что многие обряды, фольклорные мотивы связаны как с земледелием, так и с животноводством, рыболовством и охотой. Специалисты и просто знатоки охоты, рыболовства могут, конечно, высказать критические замечания, найти неточности в передаче некоторых приемов, характеристике орудий лова и охоты. Все эти приемы не статичны и, вероятно, автору следовало бы отметить их историзм, наметить основные направления наиболее заметных изменений. Автор обращает внимание на то, что среди занятий карел в условиях слабо развитого сельского хозяйства значительное место занимали отхожие промыслы, среди которых ведущее место принадлежало лесному хозяйству. Интерес не только для специалиста, но и широкого круга читателей представит нарисованная автором картина труда и быта до революции карела-лесоруба, сплавщика, а также карел, занимавшихся ремеслами и домашними производствами. При этом следует заметить, что черты материальной культуры автор старается рассматривать дифференцированно, по двум совершенно ясно выраженным хозяйственным зонам — севернокарельской и южнокарельской. Оригинально выполнена и глава о способах и средствах передвижения. Жаль, однако, что в ней далеко не полностью использован накопленный автором за многие годы материал. С древнейших времен основными путями сообщения на территории, где жили карелы, были реки и озера. Сколько-нибудь благоустроенных сухопутных (колесных) дорог в прошлом в Карелии было мало. И сам колесный транспорт, заимствованный у русских, появился в Карельском крае сравнительно недавно, где-то на рубеже XIX и XX вв. Но уже в эпоху неолита население края научилось пользоваться лыжами. Изображения карельских лыжников часто встречаются на петроглифах, количество которых, благодаря интенсивным работам карельских археологов, пополняется с каждым полевым сезоном. На петроглифах мы встречаем и различные по устройству и размерам лодки. Довольно широко применялись в дореволюционной Карелии простейшие средства упряжного транспорта — волокушка и сани.

Типы заселения у карел характеризуются большой устойчивостью. Как правило, карелы заселяли берега рек и озер. Наиболее ранним и распространенным типом поселений была деревня, состоявшая обычно из одного — пяти дворов. Под русским влиянием сложился и другой вид поселения — погост, бывший первоначально административным центром. Подробно рассказывает автор также о жилище карел конца XIX —

начала XX в., представлявшем собой дом срубного типа с избой на высоком подклете, с крытым двором. Такая постройка, где под одной крышей, в одном комплексе собраны все жилые и хозяйственные помещения (с некоторыми особенностями) типична почти для всего русского Севера. В XVIII и даже XIX вв. почти повсеместно карелы жили в курных избах. Интересны приведенные в книге наблюдения об очаге, о его важной роли в жизни карел, внутреннем убранстве дома, банях, амбарах, ригах, мельницах, колодцах. Нам представляется, что локализация изложения этого вопроса в рамках двух больших зон (южнокарельская и северокарельская) и более дробных подзон позволило автору выявить отличия, своеобразия, способствовавшие сложению отдельных культурных компонентов, их эволюции. Немало ценного почерпнет читатель и из главы, повествующей о пище и утвари. Пища и утварь северных карел обнаруживает большое сходство с пищей и утварью соседних северных народов (финнов, лопарей, коми-зырян). Южные же группы карел в этом отношении больше тяготеют к русским.

С наибольшим вниманием читаете шестую, заключительную главу книги «Новые черты в материальной культуре карел в советскую эпоху». И в самом деле, материальная культура за годы Советской власти претерпела громадные, отчетливо обозначившиеся изменения. В целом эта глава выполнена вполне добротнo. Правда, раздел «Хозяйственные занятия» скорее производит впечатление беглого перечисления разрозненных фактов, чем логичного и аргументированного очерка. Заметим, что некоторую слабость главы чувствовала и сама Р. Ф. Тароева, оценивая ее во введении как «набросок на пути к полному воплощению этой большой темы» (стр. 16). Имеются здесь фактические неточности, гиперболизм в оценке тех или иных явлений. Ссылки на литературу в этой главе в большинстве своем носят формальный характер. Говоря о доколхозной деревне, автор почему-то обходит вопрос о роли различных видов кооперации. Но в этой же главе интересны наблюдения о влиянии войны на жизнь населения. Думается, что эти отдельные наблюдения могут в дальнейшем послужить отправным моментом для специального исследования на эту тему. Советская действительность решительно преобразует жизнь народа, вторгаясь в самые устойчивые традиционные участки его труда и быта. Возьмем к примеру транспорт. Если еще в 1920—1930-х годах основным видом транспорта в деревне оставалась лошадиная упряжка, то уже перед войной гужевой транспорт стал заметно уступать место автомобильному. Сейчас же практически почти в любой населенный пункт Карелии можно проехать в автобусе. В последнее время велосипеды, до войны только еще входившие в употребление, уже вытесняются постепенно мотоциклами и мотороллерами. Развивается воздушный вид транспорта. Если в 1940-х годах лодочные моторы только начали появляться, то сейчас в северной Карелии почти каждый хозяин в деревне имеет лодку с мотором. В наше время север, по словам автора, стал «моторно-лодочным», а юг — «велосипедно-мотоциклетным» (стр. 184).

В советское время появился и получил широкое развитие новый тип поселения — рабочий поселок. Вероятно, об этом следовало бы рассказать более подробно. Вопросы выбора места, планировки и масса других проблем в условиях дальнейшего развития лесной промышленности, появления новых леспромпхозов приобретают серьезную практическую значимость. В послевоенные годы усилился также процесс укрупнения поселений. Обследование двадцати деревень среди олонечских ливвиков показало, что почти 62% жилых строений сооружено после Великой Октябрьской социалистической революции (стр. 188). В характере жилищ и построек находит отражение факт изживания в 1930-х годах большой неразделенной семьи и утверждения малой семьи. Но самые радикальные изменения произошли во внутреннем убранстве жилища. Это последнее особенно рельефно характеризует подъем материального и культурного благосостояния советской деревни. Значительно улучшилось питание, оно становится все более калорийным, разнообразным, появляются новые блюда, о которых прежде местные жители не имели представления. Автор старается выявить отличия в питании на различных этапах развития советского общества, при этом особо подчеркивает значение в этом процессе переселения в Карелию больших групп других народов, особенно в послевоенные годы. Промышленное переселение внесло много новых элементов в культуру и быт края. Значительное влияние на формирование современной домашней кухни карел оказывают столовые, как учреждения общественного питания, получающие все большее распространение. Совершенно новым фактом быта карел явилось появление детской кухни. Ныне родители-карелы стараются соблюдать специальный режим питания ребенка. За последнее время совершенно обновилась кухонная утварь. Много изменений произошло в одежде карел и, прежде всего, в ее материале. Что же касается форм одежды, то можно согласиться с автором, что «более глубокое изучение традиционного опыта, возможно, позволило бы улучшить конструирование современной производственно-защитной одежды лесорубов, сплавщиков, рыбаков, сельскохозяйственных рабочих» (стр. 208). Итак, советская эпоха в области развития материальной культуры выступает как качественно новый этап. Но не все области материальной культуры подверглись изменениям в одинаковых масштабах и формах. Не исключено, однако, что в будущем на новой основе возможно возрождение ценных черт традиционной

культуры. Происходящее ныне серьезное и стремительное изменение этнического состава населения Карелии влечет за собой еще большее сближение культур различных народов, особенно русского и карельского. Но это совсем не исключает, а напротив, непременно предполагает и обратное влияние культуры карел на другие народы. Этот вопрос, только поставленный в данном исследовании, мог бы в дальнейшем стать предметом специального рассмотрения.

Рецензируемая книга является заметным явлением в научной жизни Карельской республики. Можно надеяться, что она будет с вниманием встречена этнографами, историками, лингвистами и других районов страны.

Ю. Курсков

Т. А. Бунятов. *К истории развития земледелия в Азербайджане*, Баку, 1964, 152 стр., 30 рис. (на азерб. языке).

За последние годы появилась серия монографий и сборников, посвященных отдельным узловым проблемам этнографии Азербайджана. Одной из последних значительных работ является исследование Т. А. Бунятова.

Известно, что в Советском Союзе большое внимание уделяется такой актуальной проблеме, как изучение истории сельского хозяйства, особенно истории земледелия. В этом направлении достигнуты определенные результаты. Работа Т. А. Бунятова принадлежит к разряду подобных исследований.

Автор посвятил свою новую монографию изучению истории земледелия в Азербайджане, охватив период с первого тысячелетия до н. э. по XII—XIII столетия н. э. Следует отметить, что в азербайджанской историографии сравнительно слабо изучена эпоха возникновения классового общества, а также зарождения и развития феодализма. В работе Т. А. Бунятова в хронологической последовательности освещена история развития земледелия на протяжении этого недостаточно исследованного периода. Для рассмотрения комплекса вопросов, связанных с древним земледелием в Азербайджане, автор использовал не только этнографический и археологический материал, но привлек также свидетельства письменных источников, фольклор и сравнительные данные сельскохозяйственной науки.

Несмотря на очевидные трудности такого многостороннего решения темы, это, несомненно, помогло ее наиболее полному освещению на высоком научном уровне. Одной из выигрышных черт монографии является то, что автор прослеживает историю земледелия Азербайджана на фоне развития земледелия всего Кавказа и стран Востока. Автор не замыкается узкими рамками своей страны, но на основе сравнительно-исторического метода доводит свои выводы до широких обобщений. Это позволяет ему показать не только специфику земледелия древнего Азербайджана, но также, что не менее важно, его место в сельскохозяйственной системе Востока, его культурную связь со многими странами. Это, кроме того, позволяет показать, что Азербайджан был одним из звеньев в общей цепи сельскохозяйственного развития Востока первого тысячелетия до н. э.—XII—XIII вв. н. э.

Работа Т. А. Бунятова состоит из введения, четырех глав и заключения; к ней приложена обширная библиография.

Самая большая, первая глава посвящена полеводству. Автор сообщает интересные сведения о подготовке почвы для обработки, системе земледелия, пахотных орудиях. В главе дана история появления сохи и тяжелого плуга, а также описаны на основе этнографического материала способы их применения для вспашки земли. Но в то же время необходимо указать, что Т. А. Бунятов недостаточно подробно рассказывает об истории использования и ареале распространения тяжелого плуга. Недостаточно автор рассматривает и систему земледелия. Способы сева описаны по этнографическим наблюдениям. Сравнительно полно даны приемы ухода за посевами и жатвы. Здесь автор, используя археологические материалы, показал развитие железных серпов на протяжении истории, а на основе данных этнографии рассказал об их использовании во время жатвы и об их производительности. Показана история молоты при помощи палок и вытаптывания копытами животных; большое внимание уделено использованию молотильной доски (вэл) и катка (джарджар).

Основываясь на археологических находках молотильных досок, автор приходит к выводу не только о том, что им пользовались в Закавказье еще в начале первого тысячелетия до н. э., но также утверждает, что Закавказье является родиной молотильной доски. Вместе с тем надо сказать, что вопрос об использовании молотильного катка в период раннего средневековья является спорным. В следующем разделе автор говорит о хранении зерна в ямах, глиняных больших кувшинах и амбарах.

В главе освещены мукомольная техника и способы выпечки хлеба. Последнему вопросу уделено необоснованно много места, так как способы выпечки хлеба не свя-